

Уже внешний вид этой книги примечателен: у нее огромные поля, явно оставленные специально для иллюстраций. В иллюстрированной части (таковой является часть, содержащая псалмы и «песни» Псалтыри; следующие за ними «чины» и «последования» иллюстраций не имеют) текст обведен по линейке киноварными линиями. Киноварными или чернильными линиями ограничены на полях и иллюстрации, а иногда — места для них, оставшиеся незаполненными. Так была сделана «заготовка» для иллюстрирования текста. Сами иллюстрации, по определению автора их первого описания, одновременного происхождения и разных художников. Древнейшими признаются наименьшие по размерам, с четко очерченными контурами, с тщательно вырисованными деталями. Эти особенности роднят их с иллюстрациями Киевской псалтыри, да и большинство сюжетов те же самые. Однако изображения в данном случае несут большую нагрузку: они иллюстрируют не только текст, но и его толкования, написанные от руки тут же, на полях. Последнее обстоятельство резко отличает эту Псалтырь от 12 ее предшественниц, в которых иллюстрации раскрывают лишь основной текст, а не его толкования (в Годуновских псалтырях последние вынесены в заголовки псалмов, а в Киевской и Угличской вообще отсутствуют). Кроме этой «многослойности», в иконографии рассматриваемых изображений в какой-то степени отразилась и эволюция иллюстраций Киевской псалтыри в ее «потомках» — Угличской и Годуновских. Все сказанное затрудняет анализ иллюстраций данной Псалтыри, но и сулит интересные, быть может неожиданные, результаты. Этот анализ должен стать предметом специального исследования; в предлагаемой же краткой статье автор ограничивается лишь несколькими примерами.

В качестве первого примера возьмем иллюстрацию стиха 57-го псалма: «Яко аспид глухий и затыкаяй уши своя, яже не слышать гласа обаваящих». В Киевской псалтыри к нему привязана лаконичная двухфигурная композиция: перед человеком в восточном одеянии, играющим на длинной дудке, изогнулся «аспид», затыкающий ухо кончиком хвоста. В рассматриваемой же Псалтыри все гораздо сложнее. На поле написано сначала: «толкование: аспид убо егда слышит обавника и он едино ухо положит на земли, а другое заткнет хоботом своим . . . тако же и жидове учащу их Спасу — они же не внимаху учения Спасова зависти ради» (л. 91 об.).⁵ Ниже все это иллюстрировано: изображены два музыканта в русских костюмах (один играет на дуде, другой бьет в барабан) над крылатым «змием» (так он надписан), сидящим в пещере; еще ниже — Христос с апостолом Петром перед толпой «жидов». Эта сложная, трехъярусная композиция в своем стремлении проиллюстрировать не только текст, но и его толкование, утратила не только лаконичность, но и саму иллюстративность изображения Киевской псалтыри — его соответствие тексту: нет «обавника» (чародея, колдуна — этим словом надписаны музыканты) и «аспид» не только не «затыкает уши своя» описанным в толковании способом, но вообще превратился в другое существо («змей»). Превращение это, вероятно, отражает эволюцию иллюстраций Киевской псалтыри в Годуновских, где в этом месте нарисован летящий над «Адом» (человеческой фигурой) «змей».

ныщей ныне в Государственной Третьяковской галерее. Третья аналогичная Псалтырь хранится в настоящее время в Отделе редких книг ГБЛ; ее отдельные иллюстрации воспроизведены Ф. И. Буслаевым (Сочинения, т. 2, СПб., 1910, стр. 21, 297, 401—402). По словам О. А. Белобровой, на полях этой Псалтыри до 966 первых рисунков.

⁵ Номера листов указываются первоначальные, печатные, так же как в «Отчете имп. Публичной библиотеки», а не позднейшие, рукописные.